

003470226

На правах рукописи

НИКОЛАЕВА Наталья Владимировна

**РУССКАЯ ИДЕЯ В НАСЛЕДИИ
ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО:
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии

21 МАЙ 2009

МОСКВА
2009

Работа выполнена на кафедре теории и истории культуры Государственной академии славянской культуры.

Научный руководитель: доктор философских наук,
профессор И.К. Кучмаева

Официальные оппоненты: доктор философских наук,
профессор М.В. Силантьева

кандидат культурологии
Н.А. Герцен

Ведущая организация: Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАГС), кафедра государственно-конфессиональных отношений.

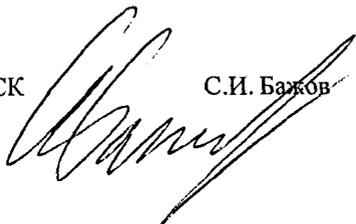
Защита состоится 17 июня 2009 г. в 13.00 на заседании Диссертационного совета Д 212.044.01 в Государственной академии славянской культуры.

Адрес: Москва, 125373, ул. Героев Панфиловцев, д.39, корп.2.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Государственной академии славянской культуры.

Автореферат разослан 16 мая 2009 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета Д 212.044.01
кандидат философских наук, профессор ГАСК

С.И. Бажов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Проблемы восприятия и понимания особенностей русской ментальности, определивших специфику отечественной культуры, привлекают в последнее время пристальное внимание исследователей и общественных деятелей различных социально-политических ориентаций, и вопрос самоидентификации русского народа в эпоху реформирования социальных, политических, культурных структур, смены парадигмы общественного сознания стоит особенно остро. Однако процесс осознания вопросов, связанных со своеобразием национальной ментальности, обуславливающей культурную эмпирию, может проходить на разных основаниях. Рассматривать ход историко-культурного процесса в России, представлять будущее народа и государства и жить в социокультурном настоящем, подвергая разбору происходящее и понимая вектор развития, можно исходя из различных посылок, расставляя различные смысловые акценты в зависимости от аксиологических приоритетов, гносеологических посылок и исследовательских ракурсов. Некоторые исследователи делают это с этнопсихологических позиций, другие с социологических, иные с геополитических и т.д. Безусловно, имея в виду различные аспекты при изучении данной проблематики, интересно, однако, провести культурологический анализ, обращая при этом также внимание на философско-богословское и экклезиологическое понимание специфических особенностей национальной ментальности, квинтэссенцией которой является т.н. русская идея. Проводить культурологический анализ под таким углом зрения вполне допустимо, поскольку русская идея является именно *религиозной философемой* и, следовательно, разнообразные ее интерпретации не могут этого не учитывать. В культурологическом дискурсе при экклезиологическом подходе, русскую идею можно понимать как провиденциально осознаваемое призвание русского народа к перманентной актуализации в сознании и жизненном опыте личности и социума непреходящей универсальной христианской аксиологической системы. Естественно, что подобное понимание, а также социокультурная готовность для исполнения этого призвания непосредственно связаны с православием как религией, ставшей для России и национально-культурнообразующей, и государствообразующей.

В этой связи интересно обратиться к культурному наследию отражавших религиозно-экклезиологическую составляющую русской ментальности отечественных мыслителей и активных деятелей отечественной культуры, которые были канонизированы Русской Церковью

(протоиерея Иоанна Кронштадтского, а также митрополита Филарета Московского). Признание их авторитета ввиду постоянного и приоритетного стремления к истине в значении высшей и непреложной ценности, отражает, если не совершенную свободу их взглядов от временного и тленного, то явно обозначает целеустремленную направленность к этой свободе.

Именно эта стабильная устремленность к независимости от какого угодно земного контекста (политического, национального, социокультурного, эстетического и т.д.) не в смысле пренебрежения им, а в силу понимания его временности и потому вторичности и отношения к нему как к средству, а не цели человеческого бытия, и осмысление всех земных реалий через призму вечного, – придаёт их взглядам убедительность, привлекает к ним исследователей различных областей гуманитарного знания, делает их авторитетными в том числе и для культурологического дискурса, несмотря не только на практически полное отсутствие понятийно-категориального аппарата, характерного для научного знания, но и на эмоционально-риторическую, а не рационально-логическую систему аргументации, а также определённую настойчивость в тематическом и проблемном плане.

Некоторая простота и кажущаяся наивность концептуальных доводов выделенных нами русских мыслителей, не имевших собственно базового философского образования, во-первых, обманчива так же, как обманчива простота и наивность библейских притч или некоторых жанровых разновидностей словесной части народного творчества, а во-вторых, обусловлена, скорее языковой формой, чем содержательной стороной, мнимую простоту которой современные люди порой не в состоянии постичь по причине чрезмерной дифференциации сознания и отсутствия цельности мировосприятия, свойственной человеческому сознанию до эпохи активного наступления секуляризма и сохранённой теми, кто и в постпросветительскую эпоху воспринял, оберегал и культивировал недифференцированность теоцентрического сознания.

Необходимо иметь в виду и то, что высокий авторитет имеют не только те мыслители, которые обнародовали интересные взгляды, высказали оригинальные гипотезы и теории, может быть, даже очень важные и нужные всему человеческому сообществу, но те, кто своей жизнью, а не только лишь образом мыслей и их вербальным воплощением явил полноту целостного мировидения и внутреннего устройства. Этот смысловой акцент немаловажен, потому что именно образ жизни во всей полноте являет мировоззренческую цельность и личностную зрелость мыслителей, что, в первую очередь, пробуждает интерес к словесной части достаточно

авторитетного по вышензложенным причинам их культурного наследия и побуждает к его изучению. Так что неразрывная связь и взаимообусловленность мировоззрения и образа жизни актуализирует интерес к наследию деятелей русской культуры подобного ранга.

Кроме того, целостность как онтологическое свойство личности предельно актуальна и востребована в эпоху духовного кризиса постмодерна. Поэтому универсальная концепция русских мыслителей, запечатлённая в их культурном наследии и реализованная в культуротворческой деятельности, актуальна не только как форма мысли, но и как способ жизни, как возможность духовно-нравственной и социокультурной реализации личности.

Культурологический анализ феномена русского миропонимания актуализирует также интерес к проблемам самоидентификации, стоящим перед многими русскими людьми, особенно молодого возраста.

Актуальность темы проявляется и в возможности практической реализации русской идеи: в эпоху духовного и социокультурного кризиса верховная власть в России, понимающая и разделяющая ценностные идеалы в контексте русской идеи, в симфоническом единстве с властью духовной, может оказаться способной регулировать и согласовывать отношения в обществе и вывести страну из кризиса, обозначив аксиологические ориентиры, соответствующие трансцендентности русской идеи, вернувшись на новом историческом вираже к реализации национального архетипа.

Степень научной разработанности темы. Многомерность, многоплановость, историческая обусловленность определяют интерес к данной теме представителей разных областей гуманитарного знания (философов, историков, политологов, этнологов, культурологов, социологов и пр.) и различных мировоззренческих ориентаций. При обращении исследователей к данной тематике преимущественно рассматриваются труды русских мыслителей XIX века, начиная со славянофилов. Достаточно подробно исследована русская идея как философская рефлексия светских мыслителей XIX-XX веков. Однако проблема артикуляции тем русского исторического предназначения и метаисторического смысла, национально-государственной организации русского социума, социокультурной реализации личности, межэтнических отношений, запечатленных в трудах мыслителей духовного звания, практически не изучена; культурологический анализ произведений отечественных мыслителей, принадлежавших к русской духовной традиции этой с точки зрения не производился.

Из работ, посвященных русской идее, большой интерес представляет составленная М.А. Маслиным антология русской философской мысли, в

которой не только представлены работы разнообразных отечественных мыслителей, преимущественно XIX – начала XX вв., но и определяются онтологические черты русской идеи как религиозной философии, обозначена многосоставность и объемность русской мысли, выстроена определенная хронология развития русской идеи. Исторический путь русской идеи представлен в монографии А.Н. Боханова «Русская идея. От Владимира Святого до наших дней», где дан анализ русского национально-государственного самосознания, от момента исторического явления Руси до крушения самодержавия и русская идея представлена как явление духовного порядка. А.В. Гулыга рассматривает русскую идею как синтез немецкого идеализма, русского исторического опыта и православия, как собственно русскую философию XIX–XX веков, привнесшую в копилку мировой философской мысли христианское мироощущение; он останавливается на таких фигурах отечественной мысли, как В.С. Соловьев, Ф.М. Достоевский, Н.Ф. Федоров. В основу работы В.Ю. Инговатова положена одна из общих для русской религиозной философии интуиций о неразрывной онтологической связи между замыслом Бога о мире и его воплощением в историческом творчестве народа. Эта интуиция, по мнению автора, исходит из историософской традиции христианства и провозглашает незлиминируемость трансцендентного начала в бытии мира. Понять смысл судьбы целого народа, по его мнению, можно посредством приобщения к духовной традиции через которую транслируется антропологический опыт восхождения народа к высотам бытия.

Что касается диссертационных исследований последних лет, то следует отметить, что в работе С.Р. Аминова «Русская идея в отечественной культуре XIX века» русская идея определяется как выражение национального духа, характера, психологии, духовного и социокультурного облика. Кроме того, исследователь видит в русской идее выражение генезиса и динамики русской нации. Он рассматривает отражение русской идеи в общественно-педагогической мысли, изобразительном искусстве, музыкальной культуре и художественной литературе. В диссертационном исследовании Т.В. Потемкиной «Становление русской идеи как основы национального самосознания русского народа: история и современность» рассматриваются проекты переустройства России в условиях глобализации современного мира, анализируется стихийное отражение русской идеи в творчестве Ф. Достоевского и Н. Лескова. С.Н. Кочеров в докторской диссертации «Русская идея как социокультурный феномен: концептуальный, историософский и аксиологический анализ» разделяет философские контексты понимания русской идеи (отвергая историко-философский и религиозно-философский). Он трактует русскую идею как проекцию

вечности во времени, т.е. общую идею, выражающую целостность истории российского общества и единство российской культуры, отмечая, что по сути русская идея является социокультурной, а не национальной. С точки зрения концептуального анализа, русская идея определяется им как эйдос русского мира, с точки зрения историософской – как идеальная сущность, находящая свое выражение в смысле истории русского мира, аксиологический анализ приводит исследователя к выводу о стремлении к соборному постижению и осуществлению всемирной правды, обретение которой принесет спасение России и всему человечеству. В поле зрения исследователя вошли такие представители русской культуры, как П. Чадаев, А. Пушкин, И. Киреевский, Аксаковы, В. Белинский, А. Герцен, Н. Чернышевский. В диссертации В.С. Сизова «Русская идея в мировоззрении Ф.М. Достоевского» раскрывается своеобразие поисков культурно-исторической и этической самоидентификации на материале творчества Ф. Достоевского, анализируются завоевания и соблазны этого пути, доказывается, что русская идея Достоевского не является утопическим проектом, но выражает особый метафизический план. Исследователь В.А. Яицкий в своей работе «Русская идея и революционный народнический социализм XIX века: выбор собственного пути развития России» устанавливает связь революционного народнического социализма с сущностными чертами русской идеи, считая феномен народничества духовными поисками национального самосознания и доказывая, что русский культурно-исторический опыт противоречит неолиберальным проектам, поскольку отвергает дух капитализма и его утилитарно-прагматические идеалы.

К числу авторов, внесших значительный вклад в интерпретацию русской мысли, рефлексировавшей специфику национальной ментальности и культуры, можно отнести представителей русского зарубежья Г.В. Флоровского, А.В. Карташева, В.В. Зеньковского, А.П. Таушева, А.Д. Семенова-Тян-Шанского, К.И. Зайцева, Г.П. Федотова.

Поскольку тема исследования связана не просто с определённым историческим контекстом, но с церковно-историческим, то представилось необходимым изучение культурно-исторических и церковно-исторических трудов А.А. Царевского, Л.А. Тихомирова, Н.В. Каптерева, И.К. Смолича, А.В. Карташева, А.П. Лебедева, В.А. Цыпина.

Общие проблемы культуры изучаемого периода исследовались в работах Г.В. Флоровского, А.М. Панченко, Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского, А.С. Панарина, И.В. Кондакова.

Осмысление царской власти как формы ответственного служения и отражение принципа симфонического существования двух властей как

идеал социокультурного устройства русского общества, а также проблемы взаимоотношения Церкви и государства в различные эпохи анализируются в работах Н.В. Каптерева, В. В. Зеньковского, М.В. Зызыкина, Л.А. Тихомирова, А.М. Величко, О.Ю. Васильевой, Н.А. Герцен.

Особенности русского религиозного сознания рассматриваются в работах Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, С.Л. Франка, Л.П. Карсавина, А.И. Клибанова; потенциал национально-государственной идеологии осмыслили К.И. Зайцев, П.И. Новгородцев, С. Соболев, А.Н. Киселев.

Различные интерпретации концепции «Москва – Третий Рим» представлены в работах И.Ф. Мейендорфа, Л. Лебедева, А.И. Клибанова, Н.В. Синицыной, Р.Г. Скрынникова.

В работах ряда современных ученых, таких как А.С. Панарин, В.Н. Рассторгуев, И.К. Кучмаева, С.С. Хоружий, М.Н. Громов, А.А.Корольков, В.И. Мельник, М.В. Силантьева рассматриваются определённые концептуальные положения в области теории и истории культуры, положенные в основу данной работы. Работы И.К. Кучмаевой определяют механизмы наследования культуры и различных культурных феноменов.

При анализе литературных произведений были учтены работы М.М. Дунаева, К.В. Мочульского, И.М. Андреева, В.И. Мельника.

В работе были использованы философские труды И.А. Ильина, В.В. Зеньковского, Л.П. Карсавина, С.Л. Франка, С.Н. Булгакова.

Большую пользу для понимания своеобразия личностей митрополита протоиерея Иоанна Кронштадтского и Филарета Московского, их духовно-нравственной высоты и неопенимого вклада, внесенного ими в сокровищницу русской культуры, принесло знакомство с мемуарно-биографическими материалами, составленными В. Федченковым, А.П. Лебедевым, А. Жадановским, И.К. Сурским.

Источниковедческая база исследования. При написании работы были использованы:

- дневники, проповеди, публичные выступления, письма протоиерея Иоанна Кронштадтского;
- проповеди, письма митрополита Филарета Московского;
- произведения русских философов XIX-XX вв.;
- литературные произведения Ф.И. Тютчева, Ф.М. Достоевского;
- архивные материалы из фондов ГАРФ, РГАЛИ, ЦИАМ, РГАДА, ЦГИА, РГИА.

Исследовательская проблема. Исходя из факта существования многообразных пониманий и толкований русской идеи возникают несколько взаимосвязанных проблем: насколько интерпретация русской судьбы духовными русскими мыслителями (в частности Иоанном Кронштадтским,

а также Филаретом Московским) обогащает толкование русской идеи, каким должно быть необходимое и достаточное основание для ее понимания в этом дискурсе; следует ли ограничивать область проявления русской идеи духовно-интеллектуальной сферой.

Гипотеза исследования. В соответствии с поставленной проблемой гипотезу исследования можно сформулировать таким образом: для адекватного и объемного понимания и толкования русской идеи необходимо учитывать культурологическую и философско-богословскую ее интерпретацию, а также экклезиологический подход к ее трактовке, поскольку осмысление русской идеи как продукта религиозного сознания и культурного кругозора, без учета мнения православно ориентированных мыслителей, в частности Иоанна Кронштадтского, а также Филарета Московского, может быть обеднено.

Цель и задачи исследования. Основной целью данного диссертационного исследования является анализ историсофских, социокультурных, эсхатологических, аксиологических, этнокультурных представлений о Иоанна Кронштадтского, отраженных в его культурном наследии и реализованных в его культуротворческой деятельности. С достижением этой цели связано решение следующих задач:

- выявить специфику методологического подхода к изучаемой теме, обусловленную онтологическими признаками исследуемого феномена;
- доказать, что понимание русской национально-культурной идентичности, смысла русского исторического существования, собственно русской идеи, невозможно без установления её связи с православием;
- показать традиционность и универсальность понимания русской идеи как провиденциально обусловленного национального призвания;
- проследить преемственность в интерпретации национальной судьбы русскими мыслителями;
- рассмотреть социокультурную модель Иоанна Кронштадтского;
- представить эсхатологическую и профетическую, этнокультурную компоненты его культурного наследия;
- показать общественно-пастырское служение Иоанна Кронштадтского как реализацию его культуротворческого потенциала;
- представить традиционные и инновационные элементы его культурного наследия.

Объект исследования: культурное наследие Иоанна Кронштадтского.

Предмет исследования: проблема интерпретации Иоанном Кронштадтским комплекса проблематики, связанной с национальной ментальностью и социокультурным опытом.

Методологическая основа исследования. Теоретико-методологическая основа работы включает принципы историзма и универсализма, объективности, междисциплинарного подхода, комплексности, интеграционности и системности в изучении материала. В работе использовались методы источниковедческого, культурологического, сравнительно-исторического, аналитико-описательного, герменевтического, типологического, компаративистского, рецептивного анализа.

Научная новизна исследования. В результате комплексного изучения и сравнительного анализа гомилетического и эпистолярного наследия протоиерея Иоанна Кронштадтского, которое прежде не подвергалось научному анализу

– показано, что культурологическое видение при экклезиологическом ракурсе обогащает интерпретацию русской идеи, вносит дополнительный и существенный оттенок и неповторимый колорит в ее понимание, вследствие чего должно быть учтено при ее изучении;

– утверждается, что в результате экстраполяции русской идеи в социальную эмпирию формируется социокультурная модель, предполагающая представление о должной христианизации не только личной, но и общественно-государственной жизни, и эта модель интерпретируется как провиденциальное призвание русского народа;

– доказывается, что русская идея порождает определённый образ жизни жертвенного, ответственного, высокодуховного, жизненноактивного характера и что ее актуальность базируется на том, что данная религиозная философия не ограничивается рамками философской рефлексии, но реализуется в деятельностной сфере, становясь способом бытия и, стало быть, объектом культурного наследования;

– рассматриваются историософские, эсхатологические, гносеологические, философско-богословские, социокультурные компоненты культурного наследия святого Иоанна Кронштадтского и культуротворческий потенциал этого представителя отечественной культуры.

Основные положения, выносимые на защиту:

– для понимания русской идеи как явления культуры и комплекса интенций и сентенций, связанных с проявлением русского национального самосознания, следует учитывать теоцентризм русской ментальности, ориентироваться на принципы христианской гносеологии и историзма, использовать экклезиологический подход;

– православно ориентированные мыслители XIX в. актуализировали в сознании современников и в русской культуре традиционные историософские, эсхатологические, гносеологические, философско-богословские,

социокультурные интуиции, в которых обнаруживается теоцентризм и провиденциализм отечественной мысли, проявленный на генезисной стадии;

– социокультурные идеалы и модель Иоанна Кронштадтского вполне традиционны для русского национального сознания: его государственная модель метафизически обусловлена, провиденциально установлена, органически связана с духовно-нравственным обликом и потенциалом народа, основана на продуктивной связи Церкви и государства;

– Иоанн Кронштадтский был апологетом православной доктрины (во всей ее полноте); в проблемном поле его гомилетического наследия оказались не только конфессиональные вопросы, но и те представители русской интеллигенции, которые в своем сознании исказили православный культурный код;

– профетическую компоненту культурного наследия святого отличает духовный оптимизм, основанный на убеждении в возрождении русского народа и российской государственности при условии актуализации православия как нормативно-ценностной базы в сознании народа;

– общественно-пастырская деятельность Иоанна Кронштадтского представляет православие как доминантную форму интеграции; эта область, где во всей полноте реализовывался его экклезиологический потенциал и проявлялась культуротворческая активность;

– проблема славянской интеграции в интерпретации Иоанна Кронштадтского была обозначена как просветительско-миссионерская программа; основанием для реализации данного этнокультурного проекта могла быть экклезиологически адекватно интерпретируемая интенция экуменизма, актуализировавшая вопрос консолидации родственных племен.

Научно-практическая значимость исследования. Результаты диссертации могут быть использованы в научной, педагогической и практической деятельности. Основные положения работы могут найти своё применение в конкретных исследованиях, посвящённых изучению культурного наследия духовных писателей, при составлении спецкурсов по истории культуры России и истории русской духовной литературы.

Апробация работы. Результаты диссертационного исследования были апробированы в докладах на конференциях и выступлениях на круглых столах:

– Научно-практическая конференция аспирантов ГАСК «Культурные традиции и безопасное развитие общества» (Москва, 22 октября 2008 г.), доклад «Стремление к всеславянскому единству как проявление ответственности за судьбы родственных народов»;

– Научная конференция – XI Свято-Елисаветинские чтения «Испытания и подвиг служения: Марфо-Мариинская обитель после ареста Великой

Матушки» (Москва, 1 ноября 2008 г.), доклад «Родственные души: благотворительность великой княгини Елисаветы Феодоровны и протоиерея Иоанна Кронштадтского»;

– Круглый стол «Стиль наследования культуры» (Москва, 19 ноября 2008 г.), доклад «Стремление к святости как стиль русской культуры»;

– Научно-практическая конференция «Цивилизация и цивилизаторы: прошлое, настоящее, будущее» – VI Панаринские чтения (Москва, 26 ноября 2008 г.), доклад «Социокультурные концепции Филарета Московского и Иоанна Кронштадтского».

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность изучения, во-первых, самой религиозной философии, обозначенной атрибутивной формулой русская идея, а во-вторых, наследия тех деятелей русской духовной культуры, которые актуализировали эту идею в сознании своих современников (прежде всего Иоанна Кронштадтского), характеризуется степень разработанности темы, исследовательская проблема, гипотеза, цели, задачи и методы исследования, его научная новизна и предполагаемая научно-практическая значимость работы.

В первой главе «Русская идея в отечественной культуре» говорится о том, что русская идея как сложный комплекс представлений, запечатлённых в различных культурно-исторических памятниках русской словесности, о месте и роли России: русской государственности и русского народа в историко-культурных процессе и пространстве, связана в представлениях экклезиологически ориентированных русских мыслителей с задачей служения русского государства в роли апологета христианской цивилизации; обосновывается специфика методологического подхода к изучению данного концепта русской культуры, рассматривается процесс его формирования, а также варианты интерпретации митрополитом Филаретом (Дроздовым), С. Уваровым, Ф. Тютчевым, Ф. Достоевским.

В первом разделе «Специфика методологического подхода к изучению русской идеи» сообщается, что термин «русская идея» был введен в общественно-политический дискурс в конце XIX в. Ф. Достоевским и В. Соловьевым. Эта атрибутивная формула стала использоваться для интерпретации русского самосознания, культуры, национальной судьбы России и ее встроенности в мировую историю, ее христианского

наследия и будущего развития, а также для отражения понимания путей объединения различных народов и преобразования человечества. Таким образом, русская идея становится довольно емким философским термином, вмещающим историософскую, аксиологическую, онтологическую, эсхатологическую, сотериологическую, социокультурную проблематику. Этим философским термином с конца XIX в. пользовались такие русские мыслители, как Е. Трубецкой, В. Розанов, Г. Иванов, С. Франк, Г. Федотов, И. Ильин, Н. Бердяев и др. для выражения своих идей, связанных с исторической и метаисторической судьбой родины и народа. При этом говорится, что высказываниям русским мыслителей на эти темы свойственна особая образность, они не склонны были давать какое-либо точное научное определение рефлекслируемому ими явлению; затем вкратце указываются особенности интерпретации русской идеи в т.н. классическом жанре.

В этом разделе отмечается, что русская идея, будучи по преимуществу обобщением ценностей и смыслов, а не событий и их последствий, характеризует не только и не столько эмпирическое бытие, сколько духовную сущность и смысл бытия России, ее культурную самобытность.

Обращается внимание на то, что русский мир образуют все субъекты российской истории и носители российской культуры, независимо от их национальности, и именно в силу такого этнокультурного сотрудничества русская идея преодолевает узкие этнические рамки.

Далее отмечается, что вокруг русской судьбы с давних пор ведутся дискуссии, проходящие с разнополюсных идеологических позиций: с точки зрения *вестернизированной историософии*, русская идея воспринимается как «опасная фикция, которая порождает неверие между народами»¹. Однако подобный подход, недооценивающий формы русского национально-государственного самосознания, порой сводит всю ценностно-смысловую глубину и многогранность концепта, выработанного национальным менталитетом, лишь к идеологии русского империализма, тогда как русская идея действительно не имеет отношения к имперским амбициям, поскольку преимущественно охватывает круг не геополитических, а метафизических вопросов.

В исследовании отмечается, что для понимания смысла прошедшего бытия, духовно-нравственных интенции предков, мотивировавших в том числе и способ организации социума, следует использовать феноменологический метод изучения культурно-исторического явления, который

¹ Цит. по Кочеров С.Н. Русская идея: сущность и смысл: Монография. Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2003. С. 10.

предполагает его понимание и выяснение сущности путем анализа его проявлений и не разрушает цельного восприятия культурно-исторического полотна, характерного для теоцентрического мировоззрения, собственно и породившего русскую идею. Кроме того, для изучения духовно-интеллектуального продукта русского мировидения, исследователю необходимо не только владеть определенным понятийно-категориальным аппаратом, но и иметь опыт экклезиологической жизни, поскольку русская идея реализуется прежде всего в таком опыте и вне этого образа жизни адекватно постичь многие интенции и сентенции отечественных мыслителей представляется проблематичным.

Далее отмечается, что для понимания одной из ключевых идей русского мировоззрения, нельзя использовать в качестве доминирующего цивилизационный глобальный подход, при котором игнорируется интерес к вечным проблемам человеческого бытия, к духовно-культурной тематике, постулирующий приоритет имущественно-правового начала в качестве доминантного фактора. При обращении к данной проблематике и словесному наследию русских мыслителей продуктивным может быть космологический принцип постижения ценностно-смыслового континуума русской культуры, предполагающий соотнесение любого события с первоначальным состоянием², благодаря данному принципу можно объяснить онтологические признаки христианского мироощущения и русского этнокультурного сознания. Они связаны с теократической идеей христианства, которая «утверждает необходимость просветления всего видимого, всего эмпирического через связывание его с мистической сферой»³.

Таким образом, по мнению диссертанта, понять русскую идею как комплекс представлений, отражающих русское религиозное и национально-государственное самосознание, можно используя феноменологический метод. Кроме того, для понимания особенностей национальной мысли следует ориентироваться на принципы христианской гносеологии и историзма, а также космологический принцип.

Во втором разделе «Своеобразие освоения христианских ценностей русским этносом и процесс формирования его национально-государственного сознания» рассматриваются произведения, в которых отражены истоки русской духовно-исторической мысли, а также самобытные формы

² Успенский Б.А. История и семиотика. Восприятие времени как семиотическая проблема // Успенский Б.А. Этюды о русской истории. СПб., 2002. С. 28.

³ Зеньковский В.В. История русской философии: В 2 т. Париж: УмсаPress, 1948. Т. 1. С. 40.

этнокультурного опыта, связанные с историческими событиями, а также обнаруживается определённая традиция в понимании национального призвания.

Попытки понять и осмыслить свое место в историческом пространственно-временном континууме у представителей духовно-интеллектуальной национальной элиты появились на самом раннем этапе христианизации русского народа. Одним из первых произведений, запечатлевших не только хронику происходивших событий, но и их смысловую оценку, считается «Повесть временных лет» – русская версия основополагающих компонентов провиденциального принципа Священной истории, освоенного и понятийно разработанного греческими мыслителями-теологами, составившая отдельные акценты, обусловленные особенностями национального характера. Другим источником, в котором наиболее ярко выражено русское национально-государственное сознание, является принадлежащее перу Киевского митрополита Илариона «Слово о Законе и Благодати», положившее начало осмыслению истории православия на Руси и истории русского народа. Однако высказывания древнерусских книжников рассматриваются лишь как интуитивные прозрения, в которых всё же, несмотря на концептуальную историософскую незавершённость различима уже перспектива мировоззренческой установки. Со времени основания русской государственности формируется на Руси и понимание «русского народа» не как однородной кровно-племенной общности, но как вероисповедного единства, церковной национальности.

Собственно же система национальной идеологии сформировалась к XVI в. Центральное место в этой социокультурной модели занимает идея удерживающей государственности, которая как форма организованного бытия народа в его служении провиденциальному замыслу, мыслилась в качестве силы, противостоящей хаосу дезориентации. Задача христианского государства, с теоцентрических позиций, обозначает предел высоты духовно-нравственного служения: оно призвано защищать добро, в высшем, идеальном его понимании. Русское государство в тот исторический момент было сильным, поэтому именно оно в сознании современников заняло место Византийской империи. Так возник базис религиозно-политической доктрины «Москва – Третий Рим», которую следует рассматривать как эсхатологическое обоснование национально-религиозной идеи (хотя существуют и иные интерпретации).

Процессы создания единого русского государства и осмысления вселенской промыслительной исторической судьбы происходили фактически синхронно, и, став титульно царством, Москва уже имела стройную идеократическую историософскую концепцию. Концепцию

сакрального делегирования полномочий и вселенского духовного задания царя первым на Руси сформулировал и обосновал Иосиф Волоцкий.

Исторические события XVII века – Смута и Раскол рассматриваются в исследовании как стихийное осмысление идеи государства, призванного быть защитником православной ойкумены, и первым шагом к выполнению вселенского призвания, а также попыткой разобраться и выстроить взаимоотношения Церкви и царства – двух социокультурных центров русской жизни, кроме того, высказывается мысль о драматическом столкновении в историко-культурном контексте этнокультурного и экклезиологического сознания.

Таким образом, во втором разделе отмечается, что в памятниках древнерусской письменности обнаруживаются историософские, эсхатологические, гносеологические, философско-богословские интуиции, в которых проявляется теоцентризм и провиденциализм русской мысли; в дальнейшем на основе этих прозрений формируется национально-государственное сознание, соответствующее теократическому принципу о продуктивной связи Церкви и государства; однако процесс национальной самоидентификации приводит сначала к конфликту идей консервации этнокультурной уникальности социокультурного опыта и интеграции национальных достижений, а затем к постепенной утрате принципов христианской гносеологии, которыми руководствовались древнерусские книжники, осмысляя исторический процесс и проблемы национальной самоидентификации в метафизическом контексте.

В третьем разделе «Возврат к истокам: вербализация русской идеи в XIX веке» рассматриваются интерпретации национальной судьбы русскими мыслителями, сохранившими православный культурный код.

В исследовании отмечается, что поворот к переосмыслению богатого культурного наследия и экклезиологического опыта на новом историческом витке начался с митрополита Филарета. В своих трудах митрополит Филарет не раз формулировал смысл царского предназначения, рассматривая его как форму священного служения. Теократические формулы митрополита Филарета отражают социокультурную экклезиологическую концепцию. В работе выделяется одно из основных понятий социокультурной модели митрополита Филарета – *авторитет*. Иерархический порядок, с точки зрения митрополита Филарета, столь же естественен для государства и социума, как и для семьи. Отсюда и твердое убеждение митрополита в метафизической обусловленности государства, хотя он понимал несовершенство любой социальной системы и трезво смотрел на неизбежные издержки общественного устройства, проистекающие от несовершенной природы человека, в которой и находится по его мнению,

причина всех нестроений и заблуждений. С экклезиологической точки зрения, православие является основой русской культуры, поэтому защита чистоты православия от различных форм его искажения становится для митрополита Филарета важной задачей, решение которой способствует существованию и развитию национальной культуры. Не обошел молчанием митрополит Филарет и тему человеческой свободы, важную не только с антропологической, но и политической точки зрения. Христианская антропология рассматривает свободу как неотчуждаемое право каждого человека, но под свободой понимается не социальная независимость, а сознательный и ответственный выбор личностью абсолютного добра, духовное преодоление имманентной склонности ко злу, поэтому идеи социального преобразования общества ему были не близки. По мнению митрополита Филарета, актуализация исторического опыта и возрождение национального архетипа возможны при экклезиологическом слиянии народа и власти ради защиты веры, отечества и престола.

Поскольку митрополит Филарет был не единственным, кто олицетворял культурную связь времен и неразрывность национально-духовных ценностей, то далее говорится о так называемой «Теории официальной народности», изложенной министром народного просвещения графом С.С. Уваровым, констатировавшим три основания, на которых возрос русский колосс: *Православие*, на которое «искони русский взирал как на залог счастья общественного и семейного», *самодержавие*, являющееся «главным условием политического существования» России, и *народность* – «святылище народных понятий». Формула графа Уварова означала единство царя и народа при духовном водительстве Православной Церкви.

Среди мыслителей, в чьем творчестве цельно и глубоко отразилось имперское сознание, отмечен дипломат и поэт Ф.И. Тютчев. Он, движимый чувством искренней любви к родине, пытался определить геополитический курс России, исходя из исторического контекста и провиденциального замысла, понимая русскую культурно-историческую парадигму как духовный феномен. Имперское величие, по мнению поэта, необходимо было для выполнения духовного задания, а не для утверждения этнической исключительности. Мыслитель отчетливо понимал христианскую трактовку всемирно-эсхатологического предназначения империи. Для него это духовное задание, а не трансляция власти – «вселенскость – высшая планка, до которой слабеющий в земных борениях дух не всегда дотягивается»⁴.

⁴Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. С. 216.

В этом разделе представлены также взгляды Ф.М. Достоевского, глубоко преданного идеалам православия, которое было для него реальной национальной верой, а не только верованием простонародья. Задача национально-духовной самоидентификации для Достоевского, была неразрывно связана с идеей общечеловеческой, но именно рост национального самосознания определял возможности участия народа в решении общемировых проблем; поэтому писатель озабочен проблемами возрастания личного самосознания: оно является базообразующим для национального. Понимая неустроенность и несовершенство русской жизни и исторические грехи русского народа, Достоевский, однако он не сомневался и в том, что русская душа постоянно мучится от сознания собственной греховности и в этом остром осознании недостойности живет надежда на ее выздоровление и преображение – это основа его христоцентричной антропологии и историософии.

В конце раздела делается вывод о том, что, русская культура XIX в., в лице православно ориентированных мыслителей, актуализировала в сознании современников традиционные ценности и идеи, упомянутые в данном разделе мыслители, противопоставляя вызовам времени духовные принципы, освоенные и самостоятельно выработанные национальным сознанием, были трансляторами русской ментальности.

Во второй главе «**Иоанн Кронштадтский как выразитель русской идеи**» представлены историософская, социокультурная, эсхатологическая, профетическая компоненты духовного наследия Иоанна Кронштадтского; рассмотрены несколько сторон культуротворческой деятельности о. Иоанна как социокультурной реализации русской идеи; представлены его взгляды на проблему всеславянского единства; обозначены, с одной стороны, традиционность его взглядов, детерминированная вписанностью его в определенную экклезиологическую традицию, и инновационность, обусловленная уникальностью его личности.

В первом разделе «**Геоцентрическая социокультурная модель Иоанна Кронштадтского**» рассматривается система взглядов о. Иоанна Кронштадтского на государственное и общественное устройство, при этом отмечается, что социум для него имеет значение не цели, но способа организации национальной жизни, поскольку его концепция базируется на призматичности абсолютности божественного начала: для него единственный Царь, Чья держава незыблема и вечна – Бог; все же земные способы организации социума обусловлены и ограничены временем и другими факторами? Всё земное, т.е. временное, имеет смысл, потому что готовит к вечности. Безусловно, метафизическая миссия возложена прежде всего на Церковь, ибо она «воспитательница для вечности, данная нам Самим

Богом»⁶, но «Церковь и государство должны находиться в тесном союзе»⁷, – говорит о. Иоанн, утверждая таким образом традиционный принцип симфонии двух властей. Таким образом, освоенная и усвоенная русским национально-религиозным сознанием ещё в XVI веке мысль об участии государства в решении церковных вопросов и защите церковных интересов именно по причине общности провиденциально поставленных перед ними задач, актуализируется в историософских представлениях о. Иоанна.

Единственным социокультурным конструктом, приемлемым для устроения национально-общественной жизни России, о. Иоанн считал монархию. Царь, по его мнению, подчиняется универсальному самодержавию, т.е. его человеческая воля ограничена заповедями, данными человечеству в Священном Писании, а власть – догматами и канонами Церкви. Примечательно, что принцип универсального единоначалия, централизации как жизнеорганизующего начала о. Иоанн усматривает и в устроении мироздания и в организации любой формы и сферы человеческой жизни.

В этом разделе рассматриваются представления о. Иоанна Кронштадтского об обязанностях царя как главы государства, при этом отмечается, что о. Иоанн обозначил также и обязанности подданных: они должны искренне любить царя и повиноваться ему, молиться за него и трудиться на благо своё, своей семьи и своего Отечества. И духовно-нравственные, и социальные обязанности (которые рассматриваются о. Иоанном в конвергентном контексте) подданных выполняются ради реализации и достижения высшей духовной цели, состоящей, по его мнению, в том, чтобы «умножать и укреплять веру в Бога, любовь и благодарение к Нему, любовь взаимную, правду и милость к ближним, и достигать вечного гражданства на небесах»⁸. Таким образом, его мысль о небесном гражданстве и подданстве, о небесном отечестве и царе,

⁵ В работе особо отмечается это принципиальное положение социокультурной модели, описанной о. Иоанном, во-первых, потому, что она традиционна для русского национально-государственного сознания, а во-вторых, потому, что, с одной стороны, в последнее время все чаще (со ссылкой на слова о. Иоанна и др. авторитетных русских святых) звучит мысль о возрождении монархической государственности в России, а с другой – эта социокультурная форма организации социума возводится в абсолют, чем совершенно искажается ее суть. О. Иоанн придерживался твёрдых монархических взглядов, но первый и главный Царь в его понимании – это все же не земной, а Небесный Царь.

⁶ См. Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Собр. соч.: В 6 т. Киев: Оранта, 2006. Т. 6. С. 276.

⁷ Там же. Т. 5. С. 162.

⁸ Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Т. 6. С. 445.

выявляет традиционную теоцентричность русского социального мировидения.

Еще одна важная проблема, рассмотренная о. Иоанном в рамках данной темы, – это проблема качеств, свойств характера, наконец, дарований, необходимых для человека, являющегося избранником для реализации провиденциального замысла о данном народе.

Кроме сильной самодержавной власти, крепкой опорой государства, по мнению Иоанна Кронштадтского, является религиозно-нравственный уровень и облик граждан, и таким образом, горизонтальная или вертикальная устремлённость мировоззренческих взглядов социосубъектов выступает в качестве регулятивного механизма социокультурной жизни. Кроме того, для о. Иоанна было совершенно очевидно, что и внутренняя стабильность государства и внешнеполитический его авторитет зависят также и от аксиологических ориентиров и духовно-нравственных приоритетов монарха.

Фактором, обеспечивающим социокультурные равновесие и динамику, и фундаментом, скрепляющим общественное здание, о. Иоанн считает жертвенное служение всех членов социального коллектива друг другу, потому что именно оно является необходимым условием и залогом нормального функционирования государства. При этом отмечается, что неравенство как явление, пронизывающее все сферы человеческого бытия, неприемлемое ревностными борцами за видимую справедливость, принимается о. Иоанном не просто как неизбежность и необходимость, но как проявление провиденциальной заботы о человечестве.

Подытоживая содержание раздела, диссертант делает вывод о том, что социальные идеалы и модель о. Иоанна вполне традиционны для русского национального сознания. Его государственная модель очень проста: метафизически обусловленная и провиденциально установленная самодержавная монархия, симфоническое единство царства и Церкви, христианские аксиологические идеалы и высокий нравственный уровень, или благочестие, всех граждан: и царя и подданных, – проста для описания, но трудна для воплощения, потому что органически, а не механически связана с духовно-нравственным обликом и потенциалом народа: нет трансцендентной устремленности народа – девальвируются нормативно-ценностные ориентиры, и, как следствие, нарушается социокультурное бытие русского народа в форме провиденциально установленного царства.

Второй раздел «Иоанн Кронштадтский как защитник национального культурного кода» посвящён анализу антикатолических и антипротестантских высказываний о. Иоанна Кронштадтского. Внимание к его

взглядам на эту тему обусловлено признанием того факта, что различные сферы человеческой жизни детерминированы именно религиозными представлениями; поскольку о. Иоанн, как и многие другие, понимал эту причинно-следственную связь, он много и пламенно говорил об искажениях западного религиозного сознания. Так как XIX век стал временем активизации искажившей нормативно-ценностный национальный порядок русской интеллигенции, то постоянным объектом пламенного проповеднического слова о. Иоанна становится атеизм и его популяризаторы – представители богоборческой интеллигенции. В его гомилетическом наследии и дневниковых записях довольно много места уделено разоблачению учения великого русского писателя Л. Толстого. Понимая, насколько этот известнейший и авторитетный человек своими теологическими теориями опасен для тех, кто нетвёрд в духовно-нравственном отношении и некомпетентен в церковно-богословских вопросах, о. Иоанн неустанно развенчивал лжехристианство Л. Толстого, соблазнительное для многих. Однако объяснение неприятия взглядов русского писателя русским священником религиозным фанатизмом, обскурантизмом священнического сословия представляется неубедительным и тенденциозным. Надо сказать, что о. Иоанн знал и ценил произведения писателя до тех пор, пока Л. Толстой не восстал на путь богоборчества и войны с еkkлезией.

Борьба за чистоту православия занимала в пастырской деятельности о. Иоанна огромное место. Он решал задачи не догматического или сравнительного богословия, но, если можно так выразиться, богословия практического; руководствуясь духовно-прагматическими целями, он наставлял русский народ, тысячами собиравшийся послушать его проповеди, актуализируя в его сознании национальный архетип.

Таким образом, о. Иоанн Кронштадтский был апологетом православной доктрины (во всей ее полноте), в проблемном поле его гомилетического наследия оказались не только конфессиональные вопросы, но и проблема искажения православного культурного кода представителями русской интеллигенции; однако его апологетика была лишена какого-либо религиозного фанатизма.

Третий раздел «Эсхатологические пророчества Иоанна Кронштадтского» посвящён профетической компоненте его культурного наследия. Видя духовную болезнь русского просвещённого общества, Иоанн Кронштадтский остро предощущал надвигающуюся историческую катастрофу. Но в его пророческих словах, несмотря на страшные предсказания, нет мрачной безнадежности и беспросветного пессимизма. Ему были открыты иные горизонты, и потому его эсхатологические предчувствия

носят жизнеутверждающий характер. «Верю в доброе будущее России и её православия...» – оптимистично провозглашал о. Иоанн⁹.

Русская идея как концепция защиты православия не на уровне отдельной личности, но на уровне социума, несмотря ни на какие бедствия, выпавшие на долю государства и народа, как сакральное призвание России, остаётся в силе, считал о. Иоанн. Возможность же духовного и политического (необходимого для осуществления провиденциального задания) возрождения Отечества о. Иоанн связывал только с покаянием¹⁰, т.е. осознанием грехов и искренним исправлением образа жизни всего народа, с возвращением к традиционному русским этнокультурным и политическим идеалам: «Держись же, Россия, твёрдо веры своей и Церкви и царя православного, если хочешь быть непоколебимой людьми неверия и безначалия». Его пророческие слова о том, что будет, если Россия всё же не вернется к святорусским идеалам и провиденциальному заданию, звучат грозно и категорично, как, впрочем, и любое пророчество. В его словах звучит призыв ко всем русским людям «Восстань, русский человек!» Куда и зачем восстать призывает кронштадтский пастырь свою всероссийскую паству? Восстать для того, чтобы воплотить в жизнь то, что провиденциально предназначено совершить русскому народу, которому вверен «великий спасительный талант православной веры»¹¹. «Перестали русские понимать, что такое Русь... Русский человек должен понять это и благодарить Бога за то, что он русский»¹². Он сам осознавал себя истинно русским человеком и был благодарен судьбе за это: «Что воздам Тебе, Господи, яко Ты даровал мне милость родиться и воспитаться в православной вере и Церкви, и в дорогом неоценённом отечестве – России, в которой издревле насаждена Православная Церковь»¹³.

Таким образом, в исследовании подчёркивается, что пророческая составляющая культурного наследия Иоанна Кронштадтского, несмотря на грозную тональность, не лишена исторической перспективы, ее

⁹ Симфония по творениям святого праведного Иоанна Кронштадтского. М.: Дар, 2007. С. 538.

¹⁰ Говоря о покаянии, которое проповедовал о. Иоанн, необходимо отметить, что им оно понималось в духе святоотеческой традиции: покаяние – осознание своей греховности и вины перед Богом, и исправление образа жизни, а вовсе не признание вины в грехе царевбийства, о которой проповедует в некоторых маргинальных группах.

¹¹ Вениамин (Федченко), митр. Отец Иоанн Кронштадтский. СПб.: Воскресение, 2005. С. 545.

¹² Там же. С. 944.

¹³ Там же. С. 927.

отличает духовный оптимизм, основанный на убеждении в возрождении русского народа и российской государственности при условии актуализации православия как нормативно-ценностной базы в сознании народа.

В четвертом разделе «Общественно-пастырская деятельность Иоанна Кронштадтского как актуализация национального архетипа и составляющая его культурного наследия» рассмотрены несколько сторон культуротворческой, общественно-пастырской, деятельности о. Иоанна: педагогическая, собственно священническая, политическая и благотворительная. Общественно-пастырская деятельность о. Иоанна в данной работе рассматривается как отражение мировоззренческих позиций и их реализация. На примере его личности, его способа бытия показано, что русская идея стимулирует определённый образ жизни – жертвенный, ответственный, высокодуховный, жизненноактивный; что русская идея – это деятельная любовь и труд ради осуществления провиденциального задания, ради воплощения высшего замысла о русском народе.

Одной из важных сфер культуротворческой деятельности о. Иоанна, направленной на воспитание национального сознания на актуализацию православного культурного кода была педагогическая работа. О. Иоанн не уставал повторять, что задача образовательных учреждений в том, чтобы «образовать не только учёных людей и полезных членов общества, но и – что всего важнее и нужнее – добрых, богобоязненных христиан»¹⁴. Таким образом, в основу образовательной системы, по мнению о. Иоанна, должны быть положены два принципа: «твёрдой, разумной и проникнутой религиозным характером научности» и «охранительно-воспитательный»¹⁵.

При рассмотрении священнической сферы его жизни, отмечается, что страждущий русский народ являлся постоянным объектом его духовно напряжённых и эмоционально-усиленных молитвенных обращений. Именно с о. Иоанна в России стала возрождаться практика частого причащения, забытая со времен церковного реформирования. Разрушая своей искренней деятельностью стереотип формально-казенного благочестия, о. Иоанн увлекал своих современников в мир древнерусского мировидения, показывая возможность и востребованность подобных мировоззренческих опор на рубеже XIX-XX веков, возрождая забытую традицию старорусского церковного благочестия.

В работе затронут и вопрос о причастности о. Иоанна к монархическому движению, при этом подчёркивается, с одной стороны,

¹⁴ Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Т. 5. С. 239.

¹⁵ Там же. С. 243.

закономерность связи о. Иоанна с этим движением, а с другой – едва уловимое сходство современных неомонархических организаций с национально-политическим движением начала XX века и делается вывод о том, что факт причастности о. Иоанна Кронштадтского к монархической организации отнюдь не компрометирует святого, но свидетельствует о последовательности и цельности его мировоззрения.

Еще одна важная сторона культуротворческой деятельности о. Иоанна – благотворительность, рассматривается как реализация христианских интенций, воплощение в жизнь теоцентрической социокультурной модели.

Таким образом, общественно-пастырская деятельность о. Иоанна представляет православие как доминантную форму интеграции; эта область, где во всей полноте реализовывался его экклезиологический потенциал и проявлялась культуротворческая активность.

Пятый раздел «Проблемы славянской интеграции в интерпретации Иоанна Кронштадтского» посвящён теме всеславянского единства. Цель и задачи консолидации родственных племён лежали для о. Иоанна в области духовной, а отнюдь не политической, поэтому он утверждал: «... стремясь к соединению со славянскими братьями, мы и не думаем отторгать их от законной власти»¹⁶, т.е. речь в данном контексте шла не об образовании нового государства под властью Российской империи, но о развитии этнокультурных отношений, о возрастании значения духовной составляющей в межславянских контактах. При этом о. Иоанн считал, что только нравственно-религиозное побуждение будет и определяющей целью, и единственным прочным основанием для осуществления подобных этнокультурных проектов. Кроме того, стремление к объединению по признаку этнической близости, охватившее русское национально-общественное сознание, не должно приводить к развитию национального превозношения и изоляционизма.

В этом разделе говорится и о высказанной о. Иоанном мысли о создании общеславянского языка, что, по его мнению, станет и осознанием «взаимного родства» и условием «духовного взаимного общения»¹⁷. В работе высказывается предположение о том, что единый общеславянский язык, о котором он говорит, это не язык, решающий задачи межкультурной коммуникации, а язык церковнославянский, сакральный, т.е. предназначенный для высшей формы коммуникации, овладение которым связано прежде всего с воцерковленным образом жизни, отход от которого образованного сегмента общества был знаковым явлением того времени

¹⁶ Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Т. 5. С. 81.

¹⁷ Там же. С. 80.

не только для России, но и для других славянских государств. Поэтому для о. Иоанна, прозревавшего в будущем страшные последствия секуляризации общества, так важна была мысль о знании церковнославянского языка, не только как некоего праязыка для всех славян, но и как метаязыка.

В связи со славянской темой рассматриваются несколько проповедей о. Иоанна 1877-1878 годов, в которых он призывает русский народ к братской помощи родственным религиозно и этнически народам.

Таким образом, проблема славянской интеграции в интерпретации о. Иоанна была обозначена как просветительско-миссионерская программа; основанием для реализации данного этнокультурного проекта могла быть экклезиологически адекватно интерпретируемая идея экуменизма, актуализировавшая вопрос культурной интеграции родственных племен.

В заключении излагаются итоги исследования, формулируются основные выводы о связи русской идеи с христианской аксиологией и гносеологией, а также экклезиологическим опытом, о созвучности в интерпретации русской идеи отечественными мыслителями, сохранявшими в своем сознании православный культурный код, о неопределимом вкладе в русскую культуру о. Иоанна Кронштадтского, намечаются перспективы направления работы по данной теме.

Основные положения диссертационного исследования опубликованы автором в следующих изданиях:

I. Статьи, опубликованные в изданиях, соответствующих требованиям ВАК РФ:

1. Специфика методологического подхода к изучению феномена «русская идея» // Вестник МГУКИ. М., 2008. – 0,3 авт. л.
2. Теория «Москва – Третий Рим» как артикуляция русской идеи // Вестник МГУКИ. М., 2009. – 0,3 авт. л.

II. Другие публикации:

3. Трансляция русской идеи мыслителями XIX века и Иоанном Кронштадтским. М., 2009. – 7 авт. л.
4. Теоцентрическая социокультурная модель Иоанна Кронштадтского // Вестник славянских культур. М., 2008. – 0,5 авт. л.

Издательский центр ГАСК
Подписано к печати 25.03.09
Усл. печ. л. 1,5. Тираж 100 экз.

125373, Москва, ул. Героев Панфиловцев, д. 39, к. 2

Тел. 948-25-10, тел./факс 948-92-00